

ФЕНОМЕН КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА И ПОНЯТИЯ ЧУДА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

И. П. Черкасова

Ключевые слова: чудо, Николай Чудотворец, аксиология, доминанта, смысл, поэзия

Keywords: miracle, St. Nicholas, axiology, dominant, meaning, poetry

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-08](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-08)

Введение

Феномен поэтического слова является объектом осмысления на протяжении столетий, поскольку выступает одним из центров сопряжения многочисленных пространств: мышления и смыслообразования, семиотики и аксиологии, языка и литературы и др. «Мы живем в словах языка, в образах поэзии и изобразительного искусства и в формах музыки, в области религиозного представления и религиозной веры. И только здесь мы „знаем“ друг друга», — пишет Э. Кассирер [Кассирер, 1998, с. 83]. Словесным основанием бытия называет поэзию М. Хайдеггер [Хайдеггер, 2017, с. 16]. Обладая такими характеристиками, как сгущение смысла, синергия, концептуализация ценностных категорий, кристаллизация аксиологических доминант, поэтический дискурс апеллирует к рациональному познанию особым способом, формируя триаду: образ — чувственное познание — рациональное познание. Одновременно происходят три разнонаправленных процесса: а) демонстрация мира в его единстве и взаимосвязях посредством синергии, основанной на синестезии и метафорике; б) репрезентация палитры смыслов, казалось бы, определенного понятия посредством контекстного переосмысления слов, окказионализмов; в) возвращение к базовой дихотомии бытия «добро — зло», актуализируемой за счет оценочной лексики, эпитетов, антитезы и др. Р. Якобсон характеризует поэзию как язык в его эстетической функции, и, например, в качестве важнейшей черты поэзии А. С. Пушкина он называет неуничтожаемое внутреннее напряжение, именуемое «бессмертием поэта» [Якобсон, 1987, с. 218, 275]. В системе исследований дискурса, названного В. З. Демьянковым специальным термином наук о человеческой духовности [Демьянков, 2007, с. 95], поэтический дискурс занимает особое место. В. И. Карасик считает определение

поэтического текста одной из заманчивых задач, которую авторы пытаются решить веками, и в качестве ключевой характеристики поэзии он определяет высокую степень смысловой концентрации [Карасик, 2012, с. 260]. Современные исследования открывают новые и новые грани поэтического текста, связанные с феноменом лиризма, духовностью, культурными традициями и неподражаемостью индивидуально-авторских образов и языковых средств [Барановский, 2024, Захаркив, 2024, Лоскутова, 2023 и др.]. Ю. В. Казарин, отмечая непознаваемость, загадочность и глубинность объекта поэзии, выделяет внутреннюю и внешнюю поэтосферы, в которых, согласно мнению автора, наличествуют сферы вещества мира, звука, гармонии, красоты, времени и др., и которые, соединяясь, производят «огромной силы энергию» [Казарин, 2011, с. 25].

С другой стороны, при восприятии поэтического текста читателем одновременно актуализируются три типа рефлексии, названные Г. И. Богиним: 1) над опытом памяти при семантизирующем понимании; 2) над опытом знания при когнитивном понимании; 3) над опытом знающих переживаний при распредмечивающем понимании [Богин, 1982]. Размышляя о поэтическом языке, А. Тарковский называл его второй реальностью, сопряженной с чудом, воплощающим жизнь: «Жизнь — это чудо ... чудо и поэзия» [Тарковский, 1991, с. 224].

Приоритетными для поэтической концептуализации являются доминанты человеческого бытия. Обращаясь к основам общественного развития, мыслители акцентируют внимание на основополагающей дихотомии парадигм: аксиологической и технократической, предпочитая сосредоточиться на одной из сторон (Н. А. Бердяев, М. Гартман, Х. Ортега-и-Гассет, В. Соловьев и др.). В основе базовой дихотомии, по сути, лежит классическое взаимодействие духовного и материального, эмоционального и рационального, индивидуального и общечеловеческого начал. При этом результативность достижений определяется, прежде всего, результативностью мышления и силой веры в значимость конкретной идеи, сообразно этому выстраивается кратчайший путь между замыслом и его воплощением в жизнь. В данной связи лингвоконцептология, аксиологическая лингвистика и герменевтика обращаются именно к вопросам изучения концептов и концептосфер (Н. Ф. Алефиренко, О. А. Алимуратов, А. Вежбицкая, В. Б. Волкова, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. А. Маслова, М. В. Пименова, З. Д. Попова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, М. А. Ткачев, А. С. Черкасова и др.). Д. С. Лихачев пишет о неоднозначности понимания сути науки и познания, утверждая возможность разных взглядов и определений: «Есть две науки: наука объясняющая и наука открывающая непосредственную данность...

Искусство как познание первично; наука же вторична» [Дихачев, 1999, с. 6, 12]. Мышление связывает парадигмы, способы познания мира, времени (прошлое, настоящее и будущее) в пространстве превращения не-реального в реальное и одновременно формирует пространство чуда.

Методы и материал исследования

Основными методами исследования стали: контекстуальный анализ, демонстрирующий изменение значения слова при появлении его в различных контекстах, а также связь лингвистического и экстралингвистического факторов, и лингвистико-герменевтический анализ, позволяющий выявить смыслы, базирующиеся на индивидуальной рефлексивной реальности автора и реципиента, многоуровневость смысла, его наращивание и кристаллизацию, а также связь смыслового пространства конкретного поэтического текста с общекультурным метапространством.

В качестве материала избраны тексты русских поэтов XIX–XX вв. Использовалась также коллекция текстов, приведенная в Национальном корпусе русского языка, предоставляющем количественные данные, а также позволяющем сделать определенные выводы о палитре смыслов и репрезентации концепта в различных типах дискурса.

Результаты исследования

374 449 975 раз встречается слово «чудо» в Национальном корпусе русского языка, демонстрируя тем самым важность обозначаемого им понятия для русской культуры, его роль в системе русской ментальности. Статистические данные показывают очевидный рост использования слова с течением времени [Национальный корпус русского языка, 2024]. Прежде всего, концепт чуда восходит к религиозному дискурсу, понятиям церкви и веры в свете видения П. Флоренского: «Конечно, вЪ св. Церкви все — чудо: и таинство — чудо, и водосвятнѢй молебенЪ — чудо, и каждая икона — чудо, и каждое пѢснопѢніе — не иное что, какЪ чудо. Да, все — чудо вЪ Церкви, ибо все что ни естѣ вЪ ея жизни, — благодатно, а благодатѢ божіа и естѣ то единственное, что достойно имени „чудо“» [Флоренский, 1914, с. 122]. С другой стороны, детально рассматривая данное понятие, А. Ф. Лосев приводит широкую палитру точек зрения и аргументов, расширяя его смысловое поле. Определяя «чудо» как социальное и историческое явление, мыслитель утверждает, что весь мир и все его составляющие, все живое и неживое «одинаково суть миф и одинаково суть чудо» [Лосев, 1994, с. 158, 183]. Еще одну общечеловеческую грань называет Г. Г. Гадамер — это чудо понимания, обретение общего смысла в процессе взаимодействия, постижение «при-

частности душ» — несмотря на субъективность восприятия — к общему смыслу [Гадамер, 1991, с. 73].

Специфические трактовки ЧУДА существуют в различных типах дискурса: философском, религиозном, историческом, медийном, художественном и др. Словари предлагают широкую палитру значений, первое из которых состоит в том, что ЧУДО — процесс созидания, связанный с вмешательством божественных сил; также это необычное событие, которое трудно объяснить на конкретном этапе общественного развития, в конкретной ситуации [Толкавый словарь русского языка, 1940, с. 1303-1304]. Но чудо — это не только слово, но и концепт, и феномен, обретаемый в культуре [Литвинов, 2009].

Неповторимую репрезентацию концепт ЧУДО получает в религиозном дискурсе посредством христианских образов. В этой связи к памяти о нем и его образу обращались и обращаются священнослужители и верующие, историки, философы и филологи во все времена: первые литературные источники исследователи относят к IV веку (А. В. Бугаевский), размышляют они о святом и его деяниях и в наши дни (Блаженный Симеон Метафраст, архимандрит Антонин (Капустин), диакон Иеромонах Иаков (Воронцов) и др.; Н. М. Сперанский, А. И. Соболевский, А. В. Бугаевский, Т. Ф. Владышевская и др. [Добрый кормчий, 2011]). Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл называет Николая Чудотворца нашим национальным святым, традиция особого почитания которого стала важной составляющей русского народа [Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, 2023].

Высокая компрессия эссенциального смысла характерна для поэтического дискурса, в котором религиозные прочтения получают специфическое воплощение, дополнительные коннотации и индивидуально-личностную окраску, базирующуюся на неповторимой рефлексивной реальности реципиента, что делает смысл глубоким, персональным, многогранным и неисчерпаемым одновременно. Николай Чудотворец выступает в поэтических текстах прежде всего как символ веры, надежды, народных упований; прецедентное имя создает интертекстуальное пространство, восходящее к древнейшим славянским рукописям [Макеева, 2011]. Формируемое имплицитное сравнение могущества власти царской (высшей на земле) и силы духовной способствует утверждению первичности мира духовного по отношению к миру земному, иллюзорность всесия мирской власти и безграничное могущество Святости:

*К Николаю-чудотворцу,
Мирикийскому святому,*

Караван тащился русский,

А вести пришлось Толстому.

Все надежды, все надежды

В Алексее, царском сыне! К Николаю-чудотворцу

Караван его подходит... (Константин Случевский. О царевиче Алексее. 1881).

Повторы (*к Николаю-чудотворцу, караван, все надежды*), антитеза (*святой* — царская власть, символом которой становится *караван*), статичность — движение (*тащился, вести*) и акцентуация того, что караван был русским (*Караван тащился русский*), актуализируют достаточно широкие интертекстуальные и интердискурсивные связи, одновременно открывая значимость духовных ценностей для русской культуры, признание святости в качестве наивысшего духовного уровня бытия.

День Святого Николая воспевается авторами и предстает одним из самых светлых, радостных и счастливых. Величальные стихи по форме восходят к славянской гимнографии, славянским рукописным Октоихам [Йовчева, 2011]:

В день чудотворца Николая —

Сей день святее мне всего! —

Будь ложка вам колесовая

Символом сердца моего... (Николай Языков. Дорожные экспромты. 1830).

Учитывая субъектную организацию в поэтическом тексте феномена ментального «внутреннего» слуха, автокоммуникативную направленность и выбор слова с учетом смыслообразного звучания [Тюпа, 2001, с. 129], в стихотворении Н. Языкова глоссализация способствует созданию светлого праздничного настроения.

В «Песне про боярина Евпатия Коловрата» Л. А. Мей, следуя былинной традиции, открывает глубинные основы веры русского народа. Николай Чудотворец, в соответствии с народным обычаем, предстает как самый почитаемый святой, хранитель от бед, посланник Господа и заступник перед ним за праведных христиан. В «Песне» получает отражение проявление русской национальной ментальности, одной из черт которой является соизмерение поступков с христианскими заповедями и обращение к святым как в минуты радости с благодарностью, так и в минуты печали за помощью и поддержкой. Вера ведет к радости и духовной победе над злом, а безверие — к греху и наказанию:

Федор-князь,
На такой на великой на радости
В новоставленный храм **Николая Святителя,**
Чудотворца Корсунского, вкладу внес

Полказны золотой своей **княжеской...** (Лев Мей. Песня про боярина Евпатия Коловрата. 1859).

Отрывок имеет кольцевую структуру (**князь — вкладу внес полказны княжеской**), одновременно подчеркивающую русскую традицию делиться в радости всем, что имеешь. В центре круга добра — Николай Святитель, несущий Слово Божие.

Образ-смысл явления Николая Чудотворца в тексте способствует формированию четкой дихотомии, определяющей, что в мире является неприемлемым злом, а что — добром, находящимся под защитой «Божьих слуг»:

**«Не тебе, говорит ему старец, —
допрашивать
Божьих слуг, а тебя им допрашивать.
Ты скажи мне: какой лютот казнию
Подобает казнити изменника
И предателя, братоубийцу,
Окаянного кровопролителя.....»** (Там же).

Автор использует форму диалога, демонстрирующую возможность общения между святым ушедших времен и простыми людьми, живущими в разные эпохи. С другой стороны, произнесенные старцем слова раскрывают сущностную структуру бытия и подчинение мира земного миру небесному. При этом гармония между мирами зависит от соблюдения народом христианских заповедей. Единство повтора (**допрашивать, казнию — казнити**) и градации (**измена — предательство — братоубийство — кровопролитие**) указывают на безусловную неприемлемость данных деяний в христианском мире и несомненную неизбежность наказания за них.

В пространстве всей «Песни» именно явление Святого Николая выступает переломным пунктом представленной в тексте истории, позволяя утверждать, что именно заступничество «Божьего слуги» способствовало победе немногочисленного русского войска над вражескими «полками» и «тучами» хана.

В поэтическом дискурсе могущество Николая Святителя не ограничивается помощью верующим в годы войн и бедствий. В качестве еще одной добродетели *Чудотворца* авторы называют врачевание. В. Иванов, следуя традициям агиографии, представляет духовные силы Святого Николая, позволяющие ему исцелять больных или продлевать им жизнь:

Неугомонный богоборец
Критический затеял суд
С эпохами, что мифы ткут.
А мирликийский чудотворец,
Весь в бисере, в шелках цветных,

Над ним склонился, друг больных (Вячеслав Иванов. Младенчество. 1918).

Антитеза (*неугомонный богоборец — мирликийский чудотворец*), эпитеты (*неугомонный, критический*) и ирония (*неугомонный богоборец, суд с эпохами*) утверждают беспредельность и безусловность силы духовного мира, независимость веры от временного исторического этапа и идеологии.

В стихотворении Н. Клюева «Вешний Никола» раскрывается дар святителя лечить не только физическую, но и духовную боль.

Нет мочи ни ночью, ни днем.
В тоске распахнула оконце —
Все празелень хвой да рябь вод.
Гладь, в белом худом балахонце
По стежке прохожий идет.
Помыслила: странник на Колу,
Подпасок иль **Божий бегун**,
И слышу: «**Я Вешний Никола**», —

Усадней сказительных струн (Николай Клюев. Вешний Никола. 1915–1917).

Структура отрывка демонстрирует смену настроения и состояния говорящего: от тоски к духовной радости. Вешний Никола определяется антитезой внешнего облика (*в белом худом балахонце, прохожий, странник, подпасок, Божий бегун*) и целительного воздействия на душу случайно встреченного на пути человека. Фольклорные мотивы, просторечие, эпитеты создают неповторимую поэтическую атмосферу. Удивительная

синестезия (*усладней сказительных струн*) передает наивысший уровень восхищения Святителем и поклонения ему.

Следуя смысловой нагрузке текста, можно говорить о том, что абсолютное добро, милосердие и сострадание не знают границ и сословий. Метафорически представлена данная идея в стихотворении А. К. Толстого «Доктор божией коровке...»:

*Доктор божией коровке
Назначает randevu...
Кем наставлена, не знаю,
К чудотворцу Николаю
(Как то делалось встарь)
Обратилась **божья тварь**.
Грянул гром. В его компанье*

***Разлилось благоуханье ...** (Алексей Толстой. Доктор божией коровке ... 1868).*

Светлая ирония, базирующаяся на персонификации и гиперболизации, формирует идею абсолютной силы добра и демонстрирует, что могущество, данное Святителю, безгранично. Одновременно сочетание **божья тварь** является аллюзией к тексту Нового Завета и напоминает о единстве происхождения всех живых существ, единстве мира в целом.

В поэтическом цикле, созданном в стиле народной поэзии, С. Есенин именует святого *Миколой* и изображает простым и необыкновенным, одновременно близким людям и приближенным к Богу. Святой выступает символом гармонии, единения Божественных сил, природы и человека посредством веры, доверия и самоотдачи. Внешняя простота (*В шапке облачного скола, / В лапоточках, словно тень*) противопоставляется возможностям духовного созидания милостника Миколы (*И с земли гуторит с богом / В белой туче-бороде*):

*В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень...
Ходит странник по дорогам,
Где зовут его в беде,
И с земли гуторит с богом*

В белой туче-бороде (Сергей Есенин С. Микола. 1913–1914).

Слово «милостник» восходит к XII–XIII вв. и означает категорию княжеских слуг [Фроянов, 2012, с. 685]. В контексте поэтического цикла понятие милостник, связывая времена и эпохи, получает переосмысление и означает: получение благодати, способностей, дарованных свыше, и преданное служение Творцу. Аллитерации, ассонанс, повторы создают музыкально-мелодический эффект, сближая поэтический текст с народной песней. С. Есенин характеризует Миколу с помощью эпитета *ласковый*, позволяющего воспринимать святого как близкого и родного человека.

Автор обращается к персонификации, позволяющей ему «преобразить и одухотворить» мир природы:

*Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив...
Заневестилася кругом
Роща елей и берез...
Осень роищи подожгла...* (Сергей Есенин. Микола. 1913–1914).

Слияние физического, метафизического и интерфизического миров [Казарин, 2011, с. 29–30] создает неповторимый поэтический образ, открывая тем самым единение Миколы с природой, глубинное понимание им окружающего мира, диалогическое общение с растениями, животными.

В тексте формируется идея духовной близости Миколы русскому народу:

*...О мой верный раб Микола,
Обойди ты русский край...
Защити там в черных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют* (Там же).

Антитеза (*бедах — победах*) и экспрессивные конструкции, восходящие к оксюмору (*верный раб, нищий уют*), в сопряжении с негативно окрашенными эпитетами (*в черных бедах, вытерзанный люд*) и повелительными конструкциями характеризуют противоречивость мировых процессов и потребность человека в вере.

В стиле волшебного сказа представляет деяния святого А. Рославлев, называя его *Никола милостивый* и повествуя о том, как в бедный дом вдовицы он принес достаток:

К горемычной вдовице убогий

Пришел под окно.

Попросил Христа ради ночлега...

Диво дивное! Пучится тесто из кади,

Ползет через край (Александр Рославлев. Никола милостивый, 1915).

Образ Николая Чудотворца (*убогий — угодничек Божий*) определяет концепцию миропостроения: сотворение добра — умножение добра — утверждение веры.

Догадалась: угодничек Божий

Был в гостях у нее...

С той поры каждый день у вдовицы

В тесной жаркой избе, во дворе, у ворот

Нищий люд копотливо ютится,

Молитвы поет (Там же).

Утверждению концепции приумножения деяний способствует использование эпитетов (*горемычная вдовица, дивное диво, нищий люд, тесная жаркая изба*) и градации (*В тесной жаркой избе, во дворе, у ворот*).

Если следование правилам веры и почитание Николая Святителя ведут к духовному преображению, то отречение становится началом потрясений и бед. Разрушительные результаты отказа от веры образно передает в своем стихотворении М. Цветаева (1918):

Коли красною тряпкой затмили — Лик,

Коли Бог под ударами — глух и нем,

Надо бражникам старым засесть за холст,

Рыбам — петь, бабам — умствовать, птицам — ползть,

Конь на всаднике должен скакать верхом,

Новорожденных надо поить вином... (Марина Цветаева. 1994. С. 396–397).

Используя «механику безадресной речи», характерную для фольклора [Бродский, 1989], М. Цветаева передает всеобъемлющий характер

происходящего. Под Ликом понимается икона Николая Чудотворца. Учитывая тот факт, что пунктуация является эстетически рефлексивной категорией идиостиля М. Цветаевой, актуализирующей смысловой центр предложения [Сафронова, 2004, с. 5–6], расширяя функции пунктуационной системы, автор достигает приращение смысла. Параллелизм структур, анафора, градация и специфика использования пунктуации постепенно открывают безрассудство мира, предпочитающего вражду вере; следствием подобного выбора предстает безумие, переворачивающее все составляющие естественного человеческого бытия и ведущее к вырождению человечества.

В годы потрясений Николай Чудотворец становится символом спасения, знаком соединения стихий земли и моря. В ноябре 1941 г. А. Тарковский создает поэтический цикл «Чистопольская тетрадь», одно из стихотворений которого начинается следующими строками:

*Вложи мне в руку Николин образок,
Унеси меня на морской песок,
Покажи мне южный морской парусок.
Горше горького моя беда,
Слаще меда морская твоя вода.*

Уведи меня отсюда навсегда (Арсений Тарковский. Вложи мне в руку Николин образок... 1941).

В основе текста многоуровневый синтаксический параллелизм и антитеза: земля — море (вода), горе — счастье, здесь — там, горький — сладкий, беда — радость. В результате формируется дихотомия бытия, связывающая посредством образа *Никола Чудотворца* реальность с альтернативным метафизическим миром мечты.

С течением времени на базе накопленного исторического опыта значение образа святого претерпевает изменения, обретая умноженную силу, генерируя и кристаллизуя тайну и таинство силы веры и добра, подвиза человека Творцу, акцентируя необходимость созидания в мире:

*Великий праздник! И хозяйка рада,
Что Бог послал ей гостя в этот день...
Мы говорим о прадедах и дедах,
О старых бедах и о новых бедах...
Гори, лампада ясная, мерцай,*

Спаситель с нами, с нами Николай (Геннадий Иванов. На Николу. 2008).

Автор именует день памяти *Великим праздником*, объединяющим прошлое и настоящее (*Мы говорим о прадедах и дедах*), сохраняющим историю поколений. Лампада становится символом света, веры и единения народа, душевного мира, защитниками которого являются *Спаситель и Николай Чудотворец*.

День памяти Святого становится днем духовного преображения:

*Сегодня день **Николаы Чудотворца** —*

*Особая, **святая благодать**.*

Душа** поет, щемит приятно **сердце

*И хочется **молиться и познать***

Дела и тайны мудрого угодника,

Хранящего века родную Русь. (Константин Белый. К 19 декабря.

2010).

Лексика текстового пространства апеллирует к основополагающим понятиям праведного бытия: *святость, благодать, душа, сердце, откровение (молитва и познание), дела, таинства, мудрость, сохранение, родина, Русь*, структурируя тем самым пространство традиционного христианского бытия.

Соборность является одной из важнейших черт русского народа. Храмы и часовни, построенные в честь Святителя Николая, становятся свидетельством единения земного и небесного миров, почитания святого и благодарности ему. В России образ Николая Чудотворца также выступал в качестве символа и святыни крестных ходов в память о чудесных событиях и оградительных народных обрядах, передающих общее покаяние и смирение. В тексте И. Сергеевой часовня Николаю открывается в качестве символа покаяния, русского Храма и народной веры:

Часовня у вокзала,

*у двух стальных **дорог...***

Молилась и сказала:

«Родня, храни вас Бог!»

Жизнь в узелок связала.

***Дороги** в Храм ведут...*

Родни моей не мало —

весь православный люд (Ирэна Сергеева. Часовня Святителя Николая. 2004).

Метафора узелка (*Жизнь в узелок связала*) представляет дихотомию статического и динамического оснований бытия. Аксиологическую основу статики формирует словесно выраженное триединство: часовня — Храм — Бог (православие); динамическую триаду образуют: вокзал, стальные дороги (железная дорога), дороги (духовный путь). Еще одна триада формирует идею о единстве народа: я — родня — православный люд.

Важную роль в духовной культуре играют драгоценные иконы, издревле связывающие образ и деяния Святителя Николая, красота которых способствует восприятию их духовной сущности. Образы Николая Чудотворца широко представлены в христианской иконографии. Согласно исторически сложившимся традициям, храмы стали местом поклонения святым иконам, местом свершения основных таинств (крещение, венчание). И так как в русской традиции Николай Чудотворец выступает защитником моряков, в храмах Святого моряки присягают Отчизне:

И влажнеют глаза молодых моряков,

И колени касаются пола,

И присягу Отчизне на веки веков

Освящает с иконы Никола.

Николай Чудотворец

Николай Чудотворец (Валентина Ефимовская. В Никольском соборе. 2011).

Стихотворение представляет поэтический парадокс, связывающий поэтические ограничения с ростом возможностей значимых сочетаний элементов [Лотман, 1996, с. 45–46] и ростом смысловой палитры текста. Аллитерации, ассонанс и повторы в контексте морской темы формируют двойную ассоциацию: с морским прибором, равномерно накатывающимися на берег волнами и вечностью, неизменностью, незыблемостью основ и законов бытия.

Поэтическую молитву исследователи справедливо называют феноменом русской литературы [Афанасьева, 2021], восходящим к ранней славянской традиции почитания Святителя Николая в песнопениях Октоиха. В ней получают отражение ключевые идеи и ценности православных христиан, обращающихся за помощью в делах, взывающих о мире и защите. Николай Чудотворец в текстах молитв предстает как символ осознания смысла человеческого бытия в противовес сиюминутным настроениям. Например, в стихотворении протоиерея Николая Гурьянова мы читаем:

Вложи в нас **истины познание**,

Дорогу к свету укажи,

Во дни **скорбей и испытанья**

Нас защити и поддержи!

Отчизне нашей православной

И мир, и тишину подай,

Услыши нас, **великий, славный**,

Святитель Божий Николай! (Протоиерей Николай Гурьянов
Святителю Николаю. 1909–2002).

Контекстуальная синонимия, а также высокая частотность использования союза «и» формируют многозначность текста: это причастность человека к бытию святого, безмерная потребность человека в его помощи, дихотомия бытия в ее сущности и др. В молитвенном дискурсе образ Николая Чудотворца появляется в единстве с образами матери, ангела-хранителя, христианских святых и христианских праздников, храмов и отечества, формируя единую картину христианского мира, взывающего к благословению Всевышнего. Н. Рерих в книге «Держава света» справедливо называет святых великими Вестниками, великими Учителями, великими Миротворцами, которые светлым познанием побеждали тьму, так как «знали вечный закон, что, давая, мы получаем» [Рерих, 1992].

Заключение

Таким образом, ЧУДО предстает не только как многозначная лексическая единица, имеющая, как правило, позитивно окрашенные значения, коннотации, рождающие смыслы, но и как феномен, обретаемый человеком в культуре. Неповторимую репрезентацию данный концепт получает в поэтическом дискурсе посредством образа Святого Николая Чудотворца, который символизирует собой абсолютную реализацию чуда, объединяющую понятия добродетели и человеколюбия в различных ипостасях и проявлениях, включающих милосердие, истинную любовь, сопереживание и кротость. Образ Николая Чудотворца, рождающий концепт в текстовом континууме поэтического дискурса, существует в тесной связи с другими образами (и концептами), связанными с сотворением чуда, святостью, духовностью (ангел, Мадонна и др.), которые присутствуют в творчестве многих поэтов (Д. Мережковский, А. Коринфский, И. Анненский, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, В. Брюсов, А. Блок, И. Бунин, И. Северянин, А. Ахматова, В. Мамонтов, А. Перекрестова и др.). В единстве взаимодействия и взаимовлияния концепты создают неразрывную систему смыслов, репрезентирующую аксиологическую осно-

ву социума и формирующую целостную концептосферу общечеловеческого и отечественного понимания ЧУДА и добра.

Библиографический список

Афанасьева Э. М. Молитвенная лирика русских поэтов. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 280 с.

Барановский П. С. Лексикографическое описание поэтической системы Бориса Рыжего: квантитативный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2024. 178 с.

Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Калинин: КГУ, 1982. 48 с.

Бродский И. Поэт и проза. 1979. <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7908>

Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с

Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Вопросы филологии. 2007. № 51. С. 86–95.

Добрый кормчий: Почитание святителя Николая в христианском мире: сб. ст. М.: Скиния, 2011. 600 с.

Захаркив Е. В. Дискурсивные слова в новейшей русско- и англоязычной поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 20 с.

Йовчева М. Установление памяти святителя Николая Мирликийского в византийских и славянских Октоихах X–XIV веков // Добрый кормчий: Почитание святителя Николая в христианском мире. М.: Скиния, 2011. С. 222–231.

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. Волгоград: Парадигма, 2012. 448 с.

Казарин Ю. В. Поэзия и литература: книга о поэзии. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. 164 с.

Кассирер Э. Избранное. М.: Гардарики, 1998. 784 с.

Литвинов В. П. Феномен слова // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология (29). 2009. № 4. С. 101–119.

Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного. СПб.: БЛИЦ, 1999. 160 с.

Лосев А. Ф. Миф — Число — Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.

Лоскутова С. В. Метафора как средство реализации авторского ракурса в поэтическом тексте: на материале произведений современных чешских поэтов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 24 с.

Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846 с.

Макеева И. И. Древнейшие славянские рукописи с чудесами Николая Мирликийского. К проблеме славянского перевода // Добрый кормчий:

Почитание святителя Николая в христианском мире. М.: Скинния, 2011. С. 176–187.

Сафронова И. П. Эстетические функции пунктуации в поэзии Марины Цветаевой (на материале циклов «Стихи к Блоку» и «Стихи к Пушкину»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2004. 23 с.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл слово в день памяти Святителя Николая Мирликийского. 2023. <https://pravoslavie.ru/157862.html>

Тарковский А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. Поэмы; Стихотворения разных лет; Проза. М.: Худож. лит, 1991. 270 с.

Тюпа В. И. Аналитика художественного: Введение в литературоведческий анализ. М.: Лабиринт, 2001. 226 с.

Флоренский П. Столп и утверждение истины М.: Путь, 1914. 490 с.

Фроянов И. Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть: учебное пособие. М.: Русский издательский центр, 2012. 1088 с.

Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Тракль. М.: Водолей, 2017. 240 с.

Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы. Прогресс, 1987. 464 с.

Источники

Константин Белый. 19 декабря. 2010 <https://stihi.ru/2010/12/24/2155>

Сергей Есенин. Микола, 1913–1914. <https://ilibrary.ru/text/3956/p.1/index.html>

Валентина Ефимовская. В Никольском соборе // Молитвы русских поэтов. XX–XXI. Антология. М.: Вече, 2011. С. 905.

Вячеслав Иванов. Младенчество, 1913–1918. <https://wysotsky.com/0009/144.htm#389>

Геннадий Иванов. На Николу // Молитвы русских поэтов. XX–XXI. Антология М.: Вече, 2011. С. 782

Николай Клюев. Вешний Никола // Молитвы русских поэтов. XX–XXI. Антология. М.: Вече, 2011. С. 276–277.

Лев Мей. Песня про боярина Евпатия Коловрата, 1859. <http://cfrl.ruslang.ru/poetry/mej/texts/vol1/95.htm>

Национальный корпус русского языка. 2024. <https://ruscorpora.ru/?ysclid=m09lm3erge919622974>

Толковый словарь русского языка в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1940. 1502 с.

Протоиерей Николай Гурьянов. Святителю Николаю // Слово Жизни, 1909–2002. <https://azbyka.ru/fiction/slovo-zhizni/>

Александр Рославлев. Никола милостивый // Молитвы русских поэтов. XX-XXI. Антология. М.: Вече, 2011. С. 204.

Ирэна Сергеева. Часовня Святителя Николая // Молитвы русских поэтов. XX-XXI. Антология. М.: Вече, 2011. С. 634.

Константин Случевский. О царевиче Алексее // Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2004. 816 с.

Арсений Тарковский. Вложи мне в руку Николин образок... // Чистопольская тетрадь, 1941. <https://primoverso.ru/stihi-russkie/stihi-arseniy-tarkovskiy/stihi10264.shtml>

Алексей Толстой. Доктор божией коровке... // Медицинские стихотворения, 1868. <https://www.culture.ru/poems/48066/medicinskie-stikhotvoreniya>

Марина Цветаева. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Эллис Лак, 1994. 640с

Николай Языков. Дорожные экспромты, 1830. <https://poesias.ru/rus-stihi/stihi-yazykov/stihi-yazykov10078.shtml>

References

Afanasyeva E. M. Prayer lyrics of Russian poets, Moscow, 2021, 280 p. (In Russian).

Baranovsky P. S. Lexicographic description of Boris Ryzhy's poetic system: a quantitative aspect. Cand. of Art Diss. Kaliningrad, 2024, 178 p. (In Russian).

Bogin G. I. Philological hermeneutics, Kalinin, 1982, 48 p. (In Russian).

Brodsky I. Poet and Prose, 1979. Retrieved from <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7908>. (In Russian).

Gadamer G. G. The relevance of beauty, Moscow, 1991, 367 p. (In Russian).

Demyankov V. Z. Text and discourse as terms and as words of everyday language. *Voprosy filologii* = Questions of Philology, 2007, no. S1, p. 86-95. (In Russian).

The good helmsman: The veneration of St. Nicholas in the Christian world: collection of art, Moscow, 2011, 600 p. (In Russian).

Zakharkiv E. V. Discursive words in the latest Russian and English poetry. Abstract of Philol. Cand. Diss., Moscow, 2024, 20 p. (In Russian).

Yovcheva M. The establishment of the memory of St. Nicholas of Myra in the Byzantine and Slavic Octoechos of the X-XIV centuries. *Dobryj kormchij: Pochitanie svyatitelya Nikolaya v hristianskom mire* = The Good Helmsman: Veneration of St. Nicholas in the Christian world: collection of art, Moscow, 2011, p. 222-231. (In Russian).

Karasik V. I. The linguistic matrix of culture, Volgograd, 2012, 448 p. (In Russian).

Kazarin Yu. V. Poetry and literature: a book about poetry, Yekaterinburg, 2011, 164 p. (In Russian).

Cassirer E. Selected works, Moscow, 1998, 784 p. (In Russian).

Litvinov V.P. The phenomenon of the word. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tver State University, 2009. Philology series (29), no., 4. p. 101–119. (In Russian).

Likhachev D.S. Essays on the philosophy of art, St. Petersburg, 1999, 160 p. (In Russian).

Losev A.F. Myth — Number — Essence, Moscow, 1994, 919 p. (In Russian).

Loskutova S.V. Metaphor as a means of realizing the author's perspective in a poetic text: based on the works of modern Czech poets. Abstract of Philol. Cand. Diss., Moscow, 2023, 24 p. (In Russian).

Lotman Yu. M. About poets and poetry: An analysis of the poetic text, St. Petersburg, 1996, 846 p.

Makeeva I.I. The most ancient Slavic manuscripts with the miracles of Nicholas of Myra. On the problem of Slavic translation. *Dobryj kormchij: Pochitanie svyatitelya Nikolaya v hristianskom mire* = The Good Helmsman: The veneration of St. Nicholas in the Christian world: collection of art, Moscow, 2011, p. 176–187. (In Russian).

Safronova I.P. Aesthetic functions of punctuation in Marina Tsvetaeva's poetry (based on the material of the cycles "Poems to Blok" and "Poems to Pushkin"). Abstract of Philol. Cand. Diss., Izhevsk, 2004, 23 p. (In Russian).

His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Russia gave a speech on the Memorial Day of St. Nicholas of Myra, 2023. <https://pravoslavie.ru/157862.html> (In Russian).

Tarkovsky A. Collected works, in 3 vols, vol. 2. Poems; Poems of different years; Prose. Moscow, 1991, 270 p. (In Russian).

Tyupa V.I. The analysis of fiction: An introduction to literary analysis, Moscow, Labyrinth, 2001, 226 p. (In Russian).

Florensky P. The Pillar and the affirmation of Truth, Moscow, 1914, 490 p. (In Russian).

Froyanov I.Ya. Ancient Russia of the IX–XIII centuries. Popular movements. Princely and veche power: a textbook, Moscow, 2012, 1088 p. (In Russian).

Heidegger M. About poets and poetry: Helderlin. Rilke. Trakl, Moscow, 2017, 240 p. (In Russian).

Yakobson R. Works on poetics: Translations, Moscow, 1987, 464 p. (In Russian).

List of Sources

Bely K. December 19, 2010. <https://stihi.ru/2010/12/24/2155/> (In Russian).

Yesenin S.A. Mikola, 1913–1914. <https://ilibrary.ru/text/3956/p.1/index.html>. (In Russian).

Efimovskaya V. In St. Nicholas Cathedral. *Molitvy russkih poetov. XX–XXI. Antologiya* = Prayers of Russian poets. XX–XXI. Anthology, Moscow, 2011. p. 905. (In Russian).

Ivanov V. Infancy, 1913–1918. <https://wysotsky.com/0009/144.htm#389>. (In Russian).

Ivanov G. On Nikola. *Molitvy russkih poetov. XX–XXI. Antologiya* = Prayers of Russian poets. XX–XXI. Anthology, Moscow, 2011, p. 782. (In Russian).

Klyuev N. Veshny Nikola. *Molitvy russkih poetov. XX–XXI. Antologiya* = Prayers of Russian poets. XX–XXI. Anthology, Moscow, 2011, p. 276–277. (In Russian).

May L. The song about the boyar Evpaty Kolovrat, 1859. <http://cfrl.ruslang.ru/poetry/mej/texts/vol1/95.htm>. (In Russian).

National Corpus of the Russian Language (NCRR), 2024. <https://ruscorpora.ru/?ysclid=m09lm3erge919622974>. (In Russian).

Explanatory dictionary of the Russian language in 4 volumes / edited by D. N. Ushakov, vol. 4, Moscow, 1940, 1502 p. (In Russian).

Archpriest Nikolai Guryanov to St. Nicholas. *Slovo Zhizni* = The Word of Life, 1909–2002. <https://azbyka.ru/fiction/slovo-zhizni/>. (In Russian).

Roslavlev A. Nikola the Merciful. *Molitvy russkih poetov. XX–XXI. Antologiya* = Prayers of Russian poets. XX–XXI. Anthology, Moscow, 2011, p. 204. (In Russian).

Sergeeva I. Chapel of St. Nicholas. *Molitvy russkih poetov. XX–XXI. Antologiya* = Prayers of Russian poets. XX–XXI. Anthology, Moscow, 2011, p. 634. (In Russian).

Sluchevsky K. K. About Tsarevich Alexei. *Stihotvoreniya i poemy* = Poems, St. Petersburg, 2004, 816 p. (In Russian).

Tarkovsky A. “Put Nikolin's icon in my hand...”. *Chistopol'skaya tetrad*» = Chistopol notebook, 1941. <https://primoverso.ru/stihi-russkie/stihi-arseniy-tarkovskiy/stihi10264.shtml>. (In Russian).

Tolstoy A. “Doctor to ladybug...”. *Medicinskie stihotvoreniya* = Medical poems, 1868. <https://www.culture.ru/poems/48066/medicinskie-stikhotvoreniya>. (In Russian).

Tsvetaeva M. Collected works: in 7 vols, vol. 1. Poems Moscow, 1994, 640 p. (In Russian).

Yazykov N. M. Road impromptu, 1830. <https://poesias.ru/rus-stihi/stihi-yazykov/stihi-yazykov10078.shtml>. (In Russian).